

ПРОФИЛЬ КУМИРА

В этом году на сцене парижского зала «Олимпия» прошли концерты Жюльет Греко (об этом событии «ЭС» писал в № 9 за этот год). Она не пела в Париже с 1983 года, но поклонники музы пятидесятых не забыли свою «Жюкюб». «Моя жизнь — это поистине чудо, — утверждает Жюльет. — В ней было много невероятного. Я сделала головокружительную карьеру, и сегодня самые юные из моих поклонников моложе, чем была я, когда только начинала петь». Интерес к личности Жюльет Греко действительно очень велик, и французская пресса всячески старается удовлетворить его. Одно из своих интервью певица дала популярному женскому журналу «Она».

— Есть ли в вашем репертуаре новые песни!

— Да, есть одна забавная безделушка — «Зеленые негрятинки». А кроме того, я пою тексты Франсуазы Саган, Малле-Жори и Мари-Поль Бель, моей сестры. Я очень люблю сестру. Это преданное, отважное существо. Она умна, словом, — идеал женщины в моем понимании. Моя мать очень любила ее и совсем не любила меня. Но это ничего не меняет.

— Как это не любила!

— Она уверяла, что я обязана своим появлением на свет изнасилованию. Мой отец корсиканец. У него уже была дочь, он хотел сына, а родилась я. Мать ненавидела отца, и они расстались. Меня обижало то, что мать смотрит на меня, как на какого-то червяка. Знаете, это совсем не подвигало к жизни. Я все больше замыкалась в себе. Мать не дала мне ни единого шанса, я всего добивалась сама.

— Ваша мать помогала участникам Сопротивления. Она была угнана в Германию вместе с вашей сестрой. После освобождения вы нашли их. Как это произошло!

— Тех, кто возвращался, размещали в отеле «Лютеция». Я отправилась на поиски. Увиденное потрясло: целый лес живых мертвецов. На них еще была полосатая униформа. В этом роскошном салоне странно было ощущать запах смерти. Я узнала мать сразу, подошла к ней. А она, прежде чем хотя бы поцеловать меня, стала расспрашивать о ком-то другом. Мне было так больно. А потом я вдруг почувствовала, как будто невесомая бабочка села ко мне на плечо. Это все, что осталось от моей сестры, — один вздох.

— Как вы познакомились с Жан-Полем Сартром!

— В то время я еще не пела. Мы с Мерло-Понти были на танцах. Отплясывали, как сумасшедшие, дурачи-

Возвращение женщины в черном

лись, короче, вели себя не лучшим образом. Моя подруга, Анна-Мария Казалис, пришла с Сартром и Бовуар. Перегнувшись через балюстраду, Анна-Мария крикнула мне: «Греко, иди поздоровайся с Сартром!». Мерло-Понти скроил недовольную физиономию, а я сказала себе: «Вечер пропал, потанцевать больше не дадут». И пошла к ним...

— Он обратил на вас внимание!

— Да. Он все видел, все замечал. Он тогда спросил себя, что это за высокая брюнетка. Потом мы часто виделись. Это он показал мне тексты, из которых я выбрала свои первые песни. Он и сам писал для меня. Сартр, Мерло-Понти, Бовуар дали мне все. Они отвечали на самые фантастические вопросы, в них чувствовалась необычайная сила. Без них я не стала бы Греко.

— А как вы чувствовали себя среди других людей!

— Я наблюдала со стороны, слушала, впитывала все. Но я была одинока и домой возвращалась одна.

— Вы не слишком разговорчивы!

— Пожалуй. Исключением был лишь Борис Виан. Навероятно нежный, терпеливый, он как будто ухаживал за больным ребенком, которым я была тогда. Однажды он мне сказал: «Почему ты все время молчишь? Почему ты так скрытна? Навести меня как-нибудь, если тебе станет скучно». И дал свой адрес. Я пришла. Он сидел на канapé. «Проходи, садись рядом, положи голову вот так». Он обнял меня своей огромной лапццей, стал гладить волосы и что-то говорить. Наступил вечер, света не зажигали, и постепенно я разговорилась. Он вернул мне дар слова.

— Были ли у вас подруги, кроме Анны-Марии Казалис!

— Франсуаза Саган. Я обожаю ее, она прелесть. Мы видимся часто, как только возможно. Хохочем целыми часами, ребячимся; устраиваем всякие глупости. У нас полное взаимопонимание.

— В своей книге «Жюкюб» вы рассказываете о Марлоне Брандо...

— Об этом можно только мечтать, не так ли? Теперь, по прошествии времени, я это понимаю. Я находила его красивым, даже величественным с его немного свирепой усмешкой. Но он не вызывал во мне ни малейшего желания. Китт, вот для кого он был создан. Она была крошечная и гораздо интереснее меня.

— В вашей книге много места занимает и Занук...

— Его красота, нежность, ум околдовали меня. Я любила его глубоко, но как-то не так. Я была для него сфинксом, он не понимал меня. Но самое невыносимое другое: он полагал, что я полностью в его власти. Я жила в красивой, но душливой обстановке.

— Был ведь еще и Мишель Пикколи.

— Это была любовь с первого взгляда. Я обожала Мишеля, но жить вместе было невозможно. В конечном

итоге я его плохо знала, лучше, пожалуй, даже как друга, чем как мужа. В течение двенадцати лет, что мы были женаты, мы почти не виделись, так каждый был занят своим делом. Лишь иногда один использовал другого, чтобы излить душу.

— У вас репутация роковой женщины...

— Да, это так. Многие любили меня безответно. Я не считаю себя красивой, но у меня есть потребность соблазнять. Я долгое время была просто одержима этим.

— Вы пытались покончить жизнь самоубийством...

— Однажды, это было на вечеринке, мне вдруг показалось, что в моих глазах появились некие лучи. Я смотрела как бы сквозь людей и видела ужасные вещи: мелочность, ничтожество, грязь, сплетни. То, что называется «весь Париж», — люди шоу-бизнеса. Я их слишком хорошо знала. Они были недостойны любви.

— Но из-за этого не кончают с собой...

— О, конечно, конечно! Я чувствовала себя абсолютно, вселенски одинокой. Пришла домой, и... привет. Потом три дня — кома. Я не хотела возвращаться, чувствовала какое-то омерзение.

— Дэвис пишет в автобиографии, что очень дорожит вами. Виделись ли вы с ним вновь!

— О мой Бог! Он стал еще красивее, царственнее, еще заносчивее. Он ко всему пренебрежителен, ко всему, кроме любви и дружбы. Меня пригласили на одну передачу. И он пришел туда. Появился вдруг, будто погустороннее, неземное существо, прямо передо мной. Невероятно! Жан-Пьер Фоко спросил, почему он здесь. А он отвечает так непосредственно: «Она моя первая и единственная любовь». Нет! Баста! В моей жизни таких моментов было уже слишком много.

— С кем вы сегодня!

— Два года назад я вышла замуж за Жерара Дуане; он был пианистом у Жака Бреля и написал для него много музыки. Это стоящий музыкант.

— У вас есть дочь от Филиппа Лемэра и шестнадцатилетняя внучка. Какие у вас отношения!

— Великолепные. Меня, правда, беспокоит, что внучка похожа на меня в самых худших моих проявлениях. Она тоже очень страстная и вспыльчивая, а это не лучший козырь в жизни. Я-то знаю. Хотя моя жизнь — это все-таки чудо.